

*Моей дочери Хиллари.
Спасибо, что удержала эту
книгу здесь, в реальном мире
С.П.*

Вар погладил два кирпича, аккуратно сложенные на краю бассейна. Завтра он раскокает их на куски и начнёт строить крепостной вал вокруг своего замка, но сегодня они ему нужны для другого.

В сумерках вода стала бирюзовой, он поболтал в ней ногами. Ровно в семь пятьдесят шесть надел плавательные очки, затянул резинку. «Мальчик готовился к большому событию», — сказал он закадровым голосом. Точнее, закадровым шёпотом — на случай, если у кого-нибудь открыто окно или рядом шастают Короли-Близнецы.

Короли-Близнецы на самом деле не близнецы, а просто два старикана в одинаковых клетчатых шортах и панамах. И не короли — но они расхаживают по Сансет-Палмс как средневековые монархи-деспоты, отравляют жизнь всему пенсионерскому посёлку.

Вар изучал Средние века в школе. Бывали монархи добрые и мудрые, бывали жестокие и злые. Тогда вообще всё зависело от везения: смерд, рыцарь — кем родился, тем и живи.

Первый раз Короли прицепились к Вару, когда он лежал в траве, прижимаясь щекой к земле, и смотрел, как муравьи цепочкой терпеливо взбираются на камень, пересекают его из конца в конец и потом сползают на землю. Как трудно жилось бы людям, думал он, если бы они не понимали, что некоторые препятствия можно обойти. Короли тут же обозвали его Астронавтом — они, мол, никак не могли до него докричаться, только с третьего раза он соизволил поднять голову.

С тех пор при виде Вара они обязательно выдают какую-нибудь остроту. И сами же от неё веселятся, аж складываются пополам от хохота, хватают себя за коленки. Хотя ничего весё-

лого в их остротах нет. Просто им нравится издеваться.

И это бы ладно — когда он отключается, над ним многие смеются, он привык.

Но тогда из дома вышла Велика-Важность и глянула на них так, что Короли заткнулись и тихо слиняли, — вот это был стыд и позор. Потому что в одиннадцать с половиной лет человек сам должен защищать свою бабушку, а не наоборот.

— Эти-то? Да от них никакого вреда! — сказала ему вчера Велика-Важность. И рассмеялась, отчего стало ещё стыднее и позорнее. — Кстати, они до смерти боятся микробов. А ты возьми и соври им, что у тебя какая-нибудь зараза. Как ты насчёт дизентерии?

Зря он сейчас подумал про Королей-Близнецов. Потому что они тут же выкатились из-за угла, придерживая свои монаршие животы.

— Эй, Астронавт! — гоготнул тот, что пониже ростом. — Смотри, как бы твой кислородный шланг не засосало в сток!

Вар покосился на дверь бабушкиной квартиры, потом обернулся к Королям и сказал:

— Вы ко мне лучше не подходите. А то у меня какая-то зараза.

И очень убедительно схватился за живот и застонал.

Короли тут же укатились обратно за угол.

Вар снова посмотрел на часы — семь пятьдесят восемь — и начал отшлёпывать секунды ступнями по воде.

В семь пятьдесят девять он взял кирпичи. Потом наполнил лёгкие — воздух с запахом солнцезащитного крема был горячим и сладким, будто кто-то рядом жарил кокосы, — и соскользнул в воду с глубокой стороны. Кирпичи, будто сразу став вдвое тяжелее, плавно утянули его на дно.

Он ещё ни разу не погружался на самое дно, потому что у него имелось некоторое количество жировой прослойки и она срабатывала как наддувной матрасик. «Это у тебя молочный жир, — говорила мама. — Он потом превратится в мышцы». Теперь, стоя каждый день в плавках перед бабушкиным зеркалом, он думал, что мама почему-то упустила главное: *как жир превратится в мышцы?* Может, для этого надо делать какие-нибудь специальные упражнения? Тогда, может, завтра и начать.

Из-под воды он видел четыре большие финиковые пальмы — по одной на каждом углу

бассейна. Сквозь рябь их мохнатые стволы извивались и кривлялись, как ожившие гаргульи.

В восемь часов зажгутся мерцающие гирлянды, которыми обмотаны пальмы. Сегодня он увидит это со дна бассейна. Ладно, может, его большое событие и не такое уж прямо суперпупербольшое, зато смотреть сквозь воду интересно: всё так странно и будто перекошено, но видно даже яснее, чем обычно. А он, между прочим, умеет задерживать дыхание больше минуты, так что успеет разглядеть всё в подробностях.

Но спустя пять секунд случилось что-то не то: верхушки пальм вдруг осветились красным.

Скорая помощь, сразу догадался Вар. За эти три недели в Сансет-Палмс он трижды просыпался ночью от таких красных вспышек — ну понятно, пенсионерский посёлок. И дальше тоже понятно: на подъезде скорая отключает сирену — зачем им лишние сердечные приступы? — паркуется на улице. Из машины выскакивают медики, сразу бегут вокруг дома к двери нужной квартиры — это потому, что со стороны бассейна двери стеклянные, раздвижные, в них легче вкатить носилки и выкатить человека.

Не бойся, телеграфировал он тому, кто лежал на носилках, как делал и в прошлый раз, и до этого. Ему всегда казалось, что испуганные люди похожи на сырые яйца без скорлупы — такие дрожащие. И больно было думать о том, как им страшно.

Поэтому, глядя сейчас на мигающие красным пальмы, он стал думать о счастье. Счастье может даже подкрасться к тебе тайком — скажем, родители отсылают тебя на лето к бабушке и ты точно знаешь, что это будет жуть, а оказывается наоборот: лучше не бывает. Потому что ты впервые в жизни один и свободен — много, много часов подряд. Ну разве что два старикана портят картину, но они боятся микробов, так что и правда никакого вреда.

Наверху по быстро лиловеющему небу проплыла цапля, белая и гладкая, точно вырезанная из мыла. Когда в кино появляется такой кадр, одна летящая птица, — понимаешь, что главный герой отправится в путешествие. И, как всегда, когда он видел такое, что дух захватывает, ему захотелось с кем-нибудь этим поделиться. *Ух ты! Смотри*. Но он никого тут не знает, кроме бабушки, а она сегодня неважно себя чувствует, ещё не совсем оправилась от...

Вар выпустил кирпичи, взлетел на поверхность и, сдёрнув очки, увидел: бабушкина стеклянная дверь сдвинута в сторону, проём как разинутый рот, два медика склонились над носилками.

И женщина, видимо врач, щуря глаза, смотрит в сторону бассейна, её белый халат в свете мигалки вспыхивает розовым, будто под ним бьётся неоновое сердце. А рядом — миссис Лемон из четвёртой квартиры: одна костлявая рука на груди купального халата, другая, с вытянутым пальцем, нацелена, как ружьё, прямо на Вара.

Уцепившись за лестницу, Вар несколько раз зажал ладонью одно ухо, другое — вода, чавкнув, вылилась, — и, выбираясь из бассейна, услышал:

— А это её внучек. Витает где-то там, в своём мире.

Ровно в восемь зажглись мерцающие гирлянды.

Проснувшись, Вар не сразу понял, почему он дома, у себя в кровати, а не на бабушкином диване с кусачими пружинами. Но тут же всплыла вся эта ночь — как они молча, хмуρο ехали за мигалкой скорой помощи в обшарпанном бьюике миссис Лемон; как потом молча сидели в приёмной под кондиционером и его трясло от тревожного ожидания, а может, от того, что он не вытерся после бассейна, — жалостливая нянечка набросила ему на плечи одеяло; как через несколько часов в приёмную ворвалась мама, и подбородок у неё был как каменный.

Он откинул простыню и вскочил. На середине лестницы до него долетели голоса родителей из кухни. Папин:

— Ты же сама не хотела...

И мамин:

— Знаю, знаю. Мне просто жаль, что...

Вар почти скатился по ступеням.

— Мам, чего тебе жаль? С бабушкой всё хорошо?

— Как ты? — Папа встал и шагнул ему навстречу. — Ну и досталось тебе сегодня ночью...

— Мам. Как дела у Велика-Важности?

— Она в сознании, — не поднимая глаз от чашки кофе, ответила мама. — Всё будет хорошо.

— Ой, здорово. И когда я возвращаюсь обратно?

— Обратно?..

Тут у мамы зазвонил телефон. Одной рукой она взяла трубку, другую прижала ко лбу, будто боялась, что он сейчас расколется, и быстрым шагом ушла в спальню.

Папа встревоженно смотрел ей вслед.

Вообще-то тревога — это нормальное папино состояние. «Профессиональная деформация», — часто говорил он, и Вару почему-то

казалось, будто папа гордится этой своей деформацией. Когда твоя работа состоит в том, чтобы сажать самолеты в аэропорту, приходится держать в голове все возможные катастрофы сразу.

Но сейчас Вар тоже тревожился. Мама руководит городским кризисным центром. Она помнит графики работы двух десятков волонтеров, отговаривает людей прыгать с моста, принимает роды. Она держит всё под контролем, как будто контроль — это такой зонтик над всем, и она берёт его и держит. Так было всегда. Но *всегда* она не прижимает ладонь ко лбу, как будто он у неё вот-вот расколется надвое.

— Папа. Мама сказала, что у Велика-Важности всё хорошо. Когда её выписывают?

— Да, всё хорошо, просто у неё вчера резко упал сахар в крови... а это плохо при её состоянии. И теперь придётся...

— А что у неё за состояние? Велика-Важность чем-то больна?

— Н-ну... понимаешь, бабушка ведь уже немолода. И то, что она упала...

— Это и есть её состояние? Старость?

— Она упала, вот в чём дело. Врачам надо убедиться, что с ней всё в порядке.

— Ладно, я понял. Так что с вашим планом?

— С планом?

— Ну да. Я провожу лето у бабушки, а вы с мамой работаете в две смены, чтобы мы могли купить дом. Такой же был план?

— Это был план А. — Папа кивнул. Потом взял со столешницы рекламный буклет летнего лагеря «Рекреация». — План Б, возможно, будет немножко другим.